

М. С. Элиот

ПОЛЫЙ ЛЮД

«Миста Куртц – он умерла».
«Подайте Старому Гаю».

I

Мы же полый люд
Мы же набитый люд
Склоняющий вместе
Головы, полные хлама. Увы!
Ежели что шепнут
Наши голоса вместе
То тихо да и без толку
Как ветер в листьях травы
Или крыса в груди осколков
В сухом подвале.

Фигуру без формы, тень без оттенка,
Бессильную мощь,
Или жест без движения;

Те, кто одолел
Прямым взором иное Царство смерти,
Помнят нас – не как тех, кто посмел
Потерять души, а только
Как полый люд
Набитый люд.

II

Глаз я не вынесу во снах
В снящемся царстве смерти
Я их не вижу:
Эти глаза
Как свет на обломке колонны
Их ветви скрывают
И голоса

Ветрам подпевают
Торжественней и отдаленней
Тусклых звезд в небесах.

Не дай мне стать ближе
В снящемся царстве смерти
Пусть я унижусь
В столь нарочитых обличиях
Как крысья шкура,
Вороньи перья и шест
Среди поля
На произволе ветреных мест
Но не ближе –

К той последней встрече
В сумеречном царстве

III

Это мертвая страна
Кактусовая страна
Здесь каменные образа
Высятся, ибо их
Почитают мертвые племена
И угасает в небесах звезда.
Разве же так
В ином царстве смерти
Не спится нам
В тот самый час, когда
Мы в нежном трепете
Прижимаем уста
С молитвою к битым камням.

IV
 Глаз ныне нет здесь
 Не сущи глаза здесь
 В этой долине угасших звезд
 В этой полой долине
 В порванной пасти
 наших падших царств

 В месте этой последней встречи
 Мы бредем вместе
 И чураясь речи
 Сходимся к берегу пучинной реки
 Незримо, но все же
 Глаза появились
 Светом вечной звезды
 Многолепестковой розой
 Сумеречного царства
 Одной надеждой
 Для опустошенных.

V
 Вот мы пляшем вокруг колючей груши
 Колючей груши колючей груши
 Вот мы пляшем вокруг колючей груши
 С пяти часов утра

 Между идеей
 И реальностью
 Между движением

И действием
 Падает Тень

 Ибо Твое есть Царство

 Между замыслом
 И сотворением
 Между эмоцией
 И чувством
 Падает Тень

 Жизнь-то длинная

 Между страстью
 И судорогой
 Между возможным
 И существующим
 Между сущностью
 И проявлением
 Падает Тень
 Ибо Твое есть Царство

Ибо Твое
 Жизнь-то
 Ибо Твое есть

 Вот так вот мир скончался
 Вот так вот мир скончался
 Вот так вот мир скончался
 Не с взрывом, а со всхлипом.

Из серии «АРИЭЛЬ»

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОЛХВОВ

«В холода же мы вышли,
 В худшее время года
 Для путешествия, и столь долгого:
 Дороги топки и ветер колок,
 Самый разгар зимы».
 Верблюды устали, сбили ноги, и упрямо
 Ложились в тающий снег.
 Не раз мы пожалели
 О летних дворцах на склонах, террасах
 И шелковых девах, несущих шербет.
 Да и погонщики, ропща и проклиная,
 Сбегали от нас, требуя выпивки и женщин,
 И костры затухали, и не хватало шатров,
 А в городах было враждебно, в деревнях неприятно,

И в селениях грязь да высокие цены:
В трудное время мы вышли.
В конце мы предпочли идти всю ночь,
Спать урывками,
Пока в уши нам голоса напевали,
Что все это глупо.
Уже на рассвете спустились мы к мирной долине,
Покрытой снегом с влажным запахом трав,
С ручьем и водяной мельницей, бьющей о тьму,
И тремя деревцами под низким небом.
И бледным конем, ускакавшим по лугу.
Да пришли мы в таверну, где лозы висли над притолокой,
Шесть рук у открытой двери играли в кости на сребреники,
И ноги пинали меха из-под вин.
Но там мы не осведомились, и пошли дальше,
И прибыли к вечеру, ничуть не раньше срока
Отыскав самое место; и мы (надо думать) достигли цели.

Все это было давно, да я помню,
И я снова пошел бы, но вышло –
Так вышло –
Так: мы проделали путь... чего ради,
Рождения иль Смерти? И было Рождение, конечно,
Мы сами видели, без сомнения. Я знал рождение и смерть,
Но считал их различными; это Рождение было
Трудным и горьким страданием для нас, точно Смерть, наша смерть.
Мы вернулись домой, в свои Царства,
Но покоя не стало здесь, в ветхой юдоли,
Где держатся люди за чуждых богов.
Я был бы рад своей новой смерти.

ПОЧТЕНИЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЕЛКИ

Есть много отношений к Рождеству,
И всяким можно пренебречь:
Общественным, апатичным, сугубо коммерческим,
Разгульным (когда заведения открыты до полночи),
И детским – но не когда для ребенка
Свеча горит как звезда, а позолоченный ангел,
Раскинувший крылья над елочной макушкой –
Не просто украшение, но истый ангел.
Дитя в восторге от Рождественской елки:
Пусть в нем продлится дух чуда
На Празднике, не отмечаемом просто по поводу;
Так же восхищение блеском, изумление
Первой в памяти Рождественской елкой,

Так же неожиданность, восторг от подарков
(Каждый с особым, волнующим запахом),
Ожидание гуся или индейки
И чаемый трепет, когда подают их на стол,
Так же благоговение и веселье
Да не забудутся с опытом зрелости
Ни в унылом быту, ни в усталости, ни в скуке,
И ни со знанием о смерти, ни с осознанием неудач,
Или же в натужной вере,
Явно подпорченной самообманом,
Отвратным Богу и непочтительным к детям
(И тут я вспоминаю с благодарностью
Святую Люцию, и гимн ее, и пылкую корону):
И так перед концом, с восьмидесятым Рождеством
(А 'восьмидесятое' значит в числе последних),
Пополнив воспоминания о сем ежегодном волнении,
Сосредоточится великая отрада,
Что станет и великим страхом, как при событии,
Когда страх входит в каждую душу:
Ибо начало нам напоминает о конце,
А первое пришествие о втором пришествии.

Перевод с английского Игоря Полуяхтова

Материал подготовила ©: Зитта СУЛТАНБАЕВА,
художник, поэт, арт-журналист, общественный деятель

